

УДК 165.731

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Е.В. Мишалова

Рассматриваются теории исторического нарратива (повествования) в аналитической философии истории. Выделяются их характерные черты: формализованный метод исследования, нацеленность на анализ структуры и логики высказываний исторического повествования, понимание исторического нарратива как определенной организующей схемы (конструкции), которая создается историком. Подчеркивается, что основным заданием исторического нарратива является придание смысла событиям прошлого с помощью объяснения и интерпретации.

Ключевые слова: философия истории; нарратив; понимание.

Сегодня все еще продолжаются дискуссии о природе и сущности исторического знания, объекте, предмете и методе исторического познания. Особую актуальность эти вопросы приобретают в связи с так называемым «лингвистическим поворотом» в гуманитарных науках последней трети XX в. С позиций лингвистического поворота историческая действительность рассматривается в качестве совокупности текстов, текстов в узком (повествование, документ) и широком (любая знаково-символическая система) понимании. В такой ситуации важное значение имеет методология изучения исторических текстов, в частности исторического нарратива (повествования) в аналитической философии истории.

В современной мировой философской мысли выделяются две основные конкурирующие между собой философские традиции: континентальная и аналитическая. Последней очень сложно дать общую характеристику с точки зрения конкретных содержательных положений, которые бы поддерживались всеми ее представителями. Аналитическая философия, как отмечает Я.В. Шрамко, представляет собой скорее определенный стиль философствования. В качестве обязательных элементов аналитического стиля философствования можно выделить: во-первых, стремление рассматривать и решать философские проблемы с помощью философского анализа языка (лингвистический поворот); во-вторых, активное использование методов и средств (в том числе и технических) современной логики; в-третьих, высокие требования к ясности и четкости аргументации,

которая используется для обоснования тех или иных философских положений [19, с. 185–186].

Во второй половине XX в. предметом активных исследований аналитической философии стало предметное поле исторической науки. Аналитическая философия истории подходит к изучению истории с помощью: (1) концептуального анализа истории с целью обеспечения надежных основ исторического знания; (2) анализа предметного поля исторической теории и принципов ее построения; (3) анализа методологии истории, которая переплетается с новыми проблемными областями феноменологии и герменевтики; (4) исторического анализа конкретно-исторических обычаев словоупотребления. В целом аналитическая философия истории сосредотачивает основное внимание на поиске удовлетворительной концепции исторического объяснения, логическом исследовании структуры нарратива вообще и нарративных предложений в частности, а также на анализе проблем исторического познания [8, с. 52–53].

Следует отметить, что существенное влияние на формирование аналитической философии истории оказала концепция объективной эпистемологии К. Поппера, по мнению которого эпистемология должна сосредотачиваться на исследовании научных проблем, проблемных ситуаций, научных предположений (под которыми понимаются научные гипотезы или теории), научных дискуссий и критических размышлений, а также на изучении научных журналов, книг и экспериментов. Выделяя «объективный» и «субъективный» (психологический, социологический) подходы к научному

знанию (познанию), К. Поппер подчеркивает, что исследование продуктов мыслительной деятельности является даже более важным, чем исследование производства этих продуктов [14, с. 109].

Весомым вкладом в разработку проблематики аналитической философии истории стала работа К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» [4]. Именно с этой работы, считает М.А. Кукарцева, и начинается история аналитической философии истории [9, с. 45]. Основное содержание модели всеохватывающего закона заключается в утверждении, что всеохватывающие (универсальные) законы («общие гипотезы» или «теории») играют в гуманитарных науках, в частности в истории, аналогичную роль, что и в естественно-научных дисциплинах [4, с. 94]. Данная работа К. Гемпеля вызвала ряд важных дискуссий касательно природы и структуры объяснения, соотношения структур объяснения и предположения, объяснения и понимания, а также относительно специфики исторического объяснения. По мнению В.Н. Сырова, полемика с программой К. Гемпеля стала исходной точкой борьбы исторического нарратива за приобретение статуса научности [16], т.е. формирования нарративной философии истории (в частности и в границах аналитической традиции).

Одна из первых теорий исторического нарратива в аналитической философии истории была предложена А. Данто, по мнению которого повествование по своему характеру уже является некоторой формой объяснения, поскольку содержит в себе объяснение наряду с сообщением о том, что же действительно произошло [5, с. 194, 138].

В концепции исторического повествования А. Данто нарратив сравнивается с определенным рода «каркасом» и выделяются две основных его разновидности: атомарный и молекулярный. Первый образует аналогию дедуктивному выводу и соответствует модели всеохватывающего закона Гемпеля-Поппера. Более сложным является молекулярный нарратив, который описывает изменения (события), для объяснения которых не существует одной причины. Строится такой нарратив из нарративных предложений (такие, которые содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, но при этом описывают более раннее из них; чтобы считаться истинными, они должны логически предполагать, что оба события действительно имели место быть); обозначающих конструкций (выражения, которые позволяют уникальным образом выделить конкретные события, лица и места, благодаря использо-

ванию местоимений и местоименных наречий — «место, где...», «человек, который...»); и временных структур, которые создает историк, объединяя отдельные события соответственно своему критерию значимости (например, «Великая французская революция») [5, с. 153, 155, 161, 238].

Считая основным заданием исторической науки придание смысла фактам, уже сообщенным, или распознавание в них этого смысла [5, с. 114], А. Данто подчеркивает, что историк владеет существенным преимуществом относительно участников исторических событий или их современников, поскольку имеет уникальную возможность видеть эти события во временной перспективе. Благодаря этому историк может указать на такие особенности исторической ситуации (события), о которых ничего не могли бы сказать их очевидцы или участники [5, с. 177, 20].

Следует отметить, что на формирование теорий исторического нарратива в границах аналитической философии истории значительно повлияла концепция философии истории Р.Дж. Коллингвуда, представителя аналитической герменевтики. Согласно его взглядам, «воспринимаемое здесь-и-теперь никогда не может быть воспринято и тем более объяснено во всей его целостности, а бесконечное прошлое никогда не может быть схвачено целиком» [7, с. 236]. В истории, как и во всех остальных науках, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. Из-за этих постоянных и неизбежных изменений, какими бы медленными они не казались наблюдателю в коротковременной перспективе, «каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и сами вопросы» [7, с. 236].

Р.Дж. Коллингвуд обращает внимание также на близость истории и литературы, поскольку работы историка и романиста, являясь продуктами воображения, не отличаются в этом смысле друг от друга. Разница заключается в том, что исторический нарратив претендует на истинность. Историк должен уметь решить две задачи одновременно: как и романист, он должен построить осмысленную картину, которая, однако, должна соответствовать действительности [7, с. 234].

Автором концепции исторического нарратива, которая, по мнению исследователей, произвела «поворот» в англосаксонской историографии, выступает Х. Уайт [18, с. 45]. Его также называют приверженцем «риторического анализа» исторических работ [15, с. 32]. С точки зрения самого Х. Уайта, его теория — это попытка концептуализации больше «поэтики» историографии, чем «философии» истории [17, с. 10–11].

Историческое повествование (нарратив), согласно Х. Уайту, является словесной структурой в форме повествовательного прозаического дискурса. Исторический нарратив представляет собой определенную комбинацию сюжетной линии (по аналогии с литературой: роман, комедия, трагедия, сатира), типа объяснения (формалистическое, механистическое, органицистское, контекстуальное) и идеологического обоснования (с позиций анархизма, радикализма, консерватизма, либерализма). Х. Уайт обосновывает избирательное сродство между различными типами построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста в конкретной исторической работе, которое основывается на структурных гомологиях и может быть использовано для получения объяснительного эффекта на разных уровнях композиции [17, с. 18, 49]. Исходя из этого, следует отметить, что Х. Уайт постулирует глубинный уровень исторического сознания, на котором историк выбирает концептуальные стратегии (эпистемологический, эстетический и моральные измерения), с помощью которых объясняет и представляет исторические данные, производя по сути поэтический — префигурирующий акт [17, с. 50]. Последний тезис вызвал ряд возражений. Например, с точки зрения Г. Иггерса, скорее выбор самого тропа (интерпретативной стратегии) обуславливается указанными критериями построения исторического повествования [6, с. 146].

Острые дискуссии вызвала также идея фикциональности исторического нарратива, согласно которой его содержание в такой же мере является «выдуманым», как и «открытым» [6, с. 144]. Однако, как позже отмечал сам Х. Уайт, понятие вымысла использовалось им в его современном понимании — гипотетического конструкта, лингвистического или дискурсивного вымысла (в этимологическом смысле слова «*fictio*» — что-то сделанное или созданное) [17, с. 13]. Для того чтобы вообще быть написанной, история вынуждена обращаться к способности разума создавать вымыслы (фикции), т.е. придавать форму историческому времени, локализовать исторические

события, выдумывать сюжеты для последовательного движения исторической реальности [10, с. 124]. Таким образом, Х. Уайт предлагает более развернутую модель исторического повествования, выделяет несколько параметров его построения и, хотя он делает свой вывод на основе анализа исторических работ XIX в., предложенная им схема может быть использована для исследования любого исторического нарратива.

В качестве продолжения методологической концепции Х. Уайта можно рассматривать теорию нарративной логики Ф.Р. Анкерсмита, с именем которого ассоциируют нарративный этап развития англосаксонской философии истории или «новой философии истории». Ф.Р. Анкерсмит исходит из утверждения о принципиальной разнице и, следовательно, необходимости четкого разграничения между историческим исследованием (результаты которого, как правило, отображаются в терминах индивидуальных предложений относительно прошлого) и историческим письмом (которое интегрирует результаты исторического исследования в границах исторического текста как целого) [1, с. 70–71].

Согласно Ф.Р. Анкерсмицу, нарративы задают определенное видение прошлого — «видение как...», функционируя в качестве правила или системы правил, которые устанавливают, как именно необходимо представлять себе прошлое [2, с. 291, 294]. Исторический нарратив представляет собой некоторую когерентную систему предложений в форме повествовательного текста, в котором можно выделить два уровня: описательный (высказывания буквальная истины) и метафорический (нарративный). При этом «по отдельности индивидуальные высказывания в нарративе могут указывать во всех мыслимых направлениях, и только нарративная “точка зрения” задает им “нарративное направление”, однако сама “точка зрения” возникает лишь благодаря этим беспомощным описательным высказываниям» [2, с. 11, 307].

Подытоживая, следует подчеркнуть, что нарративная логика Ф.Р. Анкерсмита — это логика репрезентации и интерпретации (чем и являются исторические повествования), т.е. исключительно номиналистическая. Нарративы не отображают, а определяют «лицо» прошлого [2, с. 293]. Нарративизм является конструированием не того, чем прошлое могло бы быть, а нарративных интерпретаций прошлого. Последние, в свою очередь, представляют собой организацию знания, а не знание само по себе. Нарративная интерпретация (нарра-

тив) выступает в роли инструмента понимания в исторической науке. В наше время переизбытка информации, мы сталкиваемся скорее с проблемой организации знания и информации, чем их получения, поэтому сегодня особенно актуальны нарративные исследования [3, с. 122–124].

Функциональной можно назвать «категориальную схему» анализа исторических работ А. Мегилла. Он определяет четыре основные задачи историографии: описание, объяснение, аргументация и интерпретация. В зависимости от того, которое из них превалирует в той или иной работе историка, она может соответствовать форме нарратива или существенно отклоняться от неё, хотя все из вышеназванных функций обязательно присутствуют в каждом историческом исследовании. Нарративом, согласно А. Мегиллу, является работа, в которой «исторические действия, события, герои и окружение будут играть (но в разных пропорциях) определяющую роль в тексте» [12, с. 241]. Это работа, в которой именно описание некоторого аспекта исторической действительности — рассказ о том, что имело место быть — доминирует, выступает главной задачей. Работы, в которых историк больше концентрируется на объяснении, аргументации или интерпретации, могут отклоняться от формы нарратива [12, с. 241–242]. Следовательно, А. Мегилл, выделяя четыре возможные модели исторического исследования, значительно сужает понятие нарратива, сводит его только к одной из них (описание, рассказ). По мнению А. Мегилла, границы предложенной им категориальной схемы необходимо учитывать, поскольку отмеченные категории составляют карту важных измерений историографических работ, являясь полностью достаточными для их всестороннего анализа [12, с. 243].

Интересной идеей в концепции А. Мегилла является выделение уровней концептуализации исторического нарратива: (1) историческое повествование как таковое (нарратив); (2) «мастер-нарратив», т.е. сообщение, которое претендует на авторитетное изложение отдельного сегмента истории (например, история нации); (3) «большой нарратив» или сообщение, которое считается наиболее авторитетной версией истории вообще (универсальная история) [13, с. 177]; (4) «мета-нарратив» (чаще всего под ним понимается вера в Бога или рациональность, присущая миру, и которая является оправданием или основанием для «большого нарратива») [11, с. 269].

Таким образом, можем сделать вывод, что, несмотря на значительное разнообразие подходов к

пониманию природы исторического знания («научное» или «литературное») и, соответственно, концепций исторического нарратива, представителей аналитической философии истории объединяет между собой ряд общих черт: во-первых, формальный метод исследования; во-вторых, стремление установить сущность исторического знания с помощью анализа структуры и логики высказываний исторического нарратива; в-третьих, понимание исторического повествования как определенной организующей схемы, конструкции, которая создается историком; в-четвертых, в качестве основного задания исторического нарратива рассматривается придание смысла событиям прошлого посредством объяснения и интерпретации (нарратив как инструмент объяснения и интерпретации).

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Введение. Трансцендентализм: взлет и падение метафоры // Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 65–114.
2. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков: пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Шесть тезисов нарративной философии истории // Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 115–130.
4. Гемпель К. Функция общих законов в истории: пер. с англ. С.С. Введенского // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 88–97.
5. Данто А. Аналитическая философия истории: пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной / под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Иггерс Г.Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического похода Х. Уайта: пер. с англ. И.В. Дубровского и М.Ю. Парамоновой // Одиссей: Человек в истории 2001 / РАН. Ин-т всеобщ. истории. Русская культура как исследовательская проблема / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2001. С. 140–154.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография: пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 486 с.
8. Коломоец Е.Н., Кукарцева М.А. Опыт метафилософии истории // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2000. № 6.

- С. 48–59.
9. *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44–55.
 10. *Кукарцева М.А.* Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 110–130.
 11. *Мегилл А.* «Большой нарратив» и дисциплина история: пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Мегилл А. Историческая эпистемология: монография. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. С. 266–313.
 12. *Мегилл А.* Нарратив и четыре задачи историописания: пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Там же. С. 199–254.
 13. *Мегилл А.* Обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Там же. С. 170–198.
 14. *Поннер К.Р.* Объективное знание. Эволюцион-
ный подход: пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
 15. *Селунская Н.Б.* Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 24–41.
 16. *Сыров В.Н.* Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_8.htm (дата обращения: 16.08.2013).
 17. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
 18. *Феллер В.* Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М.: КноРус. 2005. 672 с.
 19. *Шрамко Я.В.* Возникновение, становление и развитие аналитической философии // Актуальні проблеми духовності. Зб. Наукових праць / Відп. ред. Я.В. Шрамко. Кривий Ріг: КДПУ, 2005. Вип. 6. С. 185–194.

CONCEPTION OF HISTORIC NARRATIVE
IN THE MODERN PHILOSOPHY OF HISTORY

Elena V. Mishalova

*Pedagogical Institute of Krivoy Rog National University;
54, Gagarin av., Krivoy Rog, 50086, Ukraine*

The paper considers the theories of historical narrative in the analytic philosophy of history. Their typical features are distinguished as the following: using the formal method of research, striving for an analysis of the structure and logic of the historical narrative statements, understanding of the historical narrative as a certain organizing scheme (construction) which is created by a historian. It is underlined that the main task of the historical narrative is attaching importance to the events of the past through the use of understanding and interpretation.

Key words: philosophy of history; narrative; understanding.